

3. С портретом Ленина, под красным флагом. (2 июня 1962 года).

Утро на электровозостроительном заводе. Остановка тепловоза.

В первый день волнений на территории завода, вдали от центра города, события еще удерживались в рамках обычной локальной волынки. Их сценарий вполне соответствовал картине стихийной рабочей стачки начала 20 века или времен «военного коммунизма» и раннего нэпа. Но ночью через город прошли войска, территория завода оказалась фактически «оккупированной», в Новочеркасск примчалась сначала первая группа московских руководителей среднего уровня, а затем приехала вторая. Рабочие ответили продолжением забастовки и политической демонстрацией в центр города. В роли коллективного «мотора» событий вновь выступили рабочие сталелитейного цеха. С утра 2 июня они пришли на завод к 7 часам, но к работе не приступали - обсуждали минувшие события. Не начинали работу и рабочие ряда других цехов.

Но на заводе по-прежнему чувствовался раскол. Инструментальный и электроцех начали смену, но, по сообщению Ивашутина, «были блокированы хулиганствующими элементами,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98329. Л.2

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98326. Л.14

которые силой выводили рабочих из цехов и заставляли присоединяться к ним»¹. Заместитель председателя КГБ, так же как и обвинение в суде, в описании событий сосредоточился на насилии и угрозах активных бунтовщиков в адрес лояльных рабочих. Однако гораздо важнее были психологическое давление и общая немного истерическая атмосфера. Сторонники продолжения забастовки обвиняли своих товарищей в предательстве и измене делу рабочего класса. Альтернативные точки зрения, попытки образумить и предостеречь рабочих от прямого столкновения с властями заглушались эмоциональной риторикой.

Как рассказывал один из свидетелей, на его призывы к товарищам по бригаде приступить к работе он услышал выкрики какой-то возбужденной и растрепанной женщины, случайно оказавшейся в цехе: «Что, толстопузый, загоняешь людей на работу, не будем работать. Наели брюхи, напились крови, а нам нечем жить»². Так кричала М.Залетина, 38-летняя уборщица, уже знакомая нам по событиям 1 июня.

Подобные сцены происходили, вероятно, во всех цехах. Но агрессивная активность немногих была лишь специфическим выражением возмущения и недоумения большинства. Как вспоминал Е.И.Мардарь, работавший в кузнечном цехе, утром 2 июня он в переполненном трамвае ехал как обычно на работу. Люди живо обсуждали происшедшее накануне и пытались предсказать, что же будет дальше. То, что рабочие увидели на заводе, произвело на них тягостное впечатление: «На проходной солдаты. У входа в цех - целый взвод их. У других цехов - то же самое. Работать под дулом автомата? Никогда. У нас в кузнечном цехе происходило вот что: кузнецы, не входя в цех, усаживались на лавки... На обращение офицеров с требованием работать ответили: «Работайте сами, раз оккупировали завод!»³.

Часть рабочих предпочла не ввязываться в разгоравшийся конфликт и отправилась по домам.

1 Исторический архив. 1993. № 1. С. 126

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95342. Л.76

3 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. Новочеркасск. 1992. С.28

Через час после начала смены, в 8 часов утра, литейщики двинулись к новому машинному цеху, затем - к заводууправлению. К ним примкнули рабочие кузовного и других цехов. Сорвав дверь с ворот заводууправления, толпа хлынула на площадь¹. Дальнейшее было почти зеркальным повторением предыдущего дня. Толпа остановила сначала электропоезд «Шахты-Ростов», а затем - проходивший мимо заводууправления тепловоз. Движение было прервано. А над заводом, как и в полдень 1 июня, зазвучали тревожные гудки. Активную роль в этих событиях сыграли некоторые герои первого дня забастовки, в частности, Фетисов и Зиненко. Фетисов вообще действовал почти по шаблону. Утром он опять собрался поехать к матери (накануне эта поездка у него сорвалась), но почему-то опять оказался на заводе, а потом у остановленного тепловоза. Он снова выключил кран и спустил пар из центральной тормозной системы. Мотивы действий стропальщика не совсем понятны. По его собственному рассказу, он как бы пытался «исправиться»: спуск пара должен был, по его мнению, прекратить тревожные гудки².

А.И.Зиненко, один из строителей баррикады у заводских ворот вечером 1 июня, также оказался на железнодорожных путях. Из кабины остановленного тепловоза он агитировал толпу: «разговаривал с народом». По рассказу одного из патрулей, находившихся в эпицентре событий, кто-то сделал Зиненко замечание, а в ответ услышал: «Здесь рабочий класс. Он нас поймет»³. Конфликт между сторонниками восстановления порядка и активными забастовщиками, их борьба за контроль над поведением толпы не ограничились этим «замечанием» и ответной репликой Зиненко. В ответ на чей-то призыв пропустить тепловоз, из толпы осуждающе закричали: «Сколько вам заплатили, уходите, а то наломаем бока». Активного участника столпотворения у тепловоза 33-летнего фрезеровщика А.Г.Нестеренко упрекнули, сказали, что он «влез в грязное дело». Нестеренко упрека не принял, ответил:

1 Исторический архив. 1993. № 1. С. 126

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.68

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95432. Л.72

«Не твоё дело!», а вслед «резонеру» ещё и обиженно прокричал: «За сколько продался?».

Сквозь скандальную и малопривлекательную картину разгоравшихся беспорядков, сквозь грубость и мат все-таки проступал классовый лейтмотив: мобилизация толпы на почве ненависти и вражды к «толстопузым» и «начальникам» (или «толстопузым начальникам?»), психологическое давление на «лояльных» и «нейтральных» - обвинения в «измене», «продажности» и т.п., наконец, консолидирующая апелляция к «народу», «рабочему классу», которые «нас поймут».

Поднимаются другие заводы

Когда над окрестностями разнеслись гудки тепловоза, от основной толпы отделилась группа рабочих. Они направились на электродный завод, завод № 17 и «Нефтемаш», чтобы поднять их на выступление. Однако на электродном заводе уже были свои организаторы. Одной из ключевых фигур стал электрик Андрей Коркач. Другим активным организатором забастовки на электродном заводе следствие называло Г.Г.Каткова, впервые включившегося в беспорядки ещё в ночь с 1 на 2 июня (тогда он пытался помешать продвижению танков). Оба они были уже в зрелом возрасте. Коркачу 45 лет (взрослый сын в момент новочеркасских событий служил в армии, старшая дочь работала чертежницей на НЭВЗ), а Каткову - 36, материально достаточно обеспечены, во всяком случае, по меркам своего времени. Так что вряд ли их активное участие в событиях можно объяснить исключительно спонтанной реакцией на повышение цен или случайным стечением обстоятельств. Вероятно, в действиях Каткова и особенно Коркача следует искать влияние каких-то более глубоких (идейных?) причин.

«Коркач по своей натуре рвач», - безапелляционно заявляло следствие. Иначе с какой бы это стати, будучи обеспеченным человеком, имея жену заведующую магазином (символ несправедливого богатства в бытовой знаковой системе советского общества) говорить: «Я сорок лет ждал улучшения жизни». Однако все, что известно о действиях Коркача по организации забастовки на электродном заводе, делает обвинения во рвачестве психологически недостоверными. «Рвачи» предпочитают не

кликать на свою голову неприятностей, а если и проявляют какую-либо активность в конфликтных ситуациях, то делают это исподтишка, предпочитая заботиться о своих шкурных интересах, а совсем не о рабочей солидарности. И уж тем более такие люди не пользуются уважением в рабочей среде. А товарищи Коркача по работе даже под нажимом следствия очень неохотно давали против него показания, «называли его по имени и отчеству, говорили, что он был для них авторитетным человеком»¹.

Психологическую загадку Коркача помогают разгадать обстоятельства его осуждения в 1947 г. военным трибуналом за злоупотребление служебным положением к 3 годам лишения свободы. В то время Андрей Андреевич служил командиром эскадрона в Советской армии. В 1946 г. он избил своего подчиненного за кражу полотенца. Но этим «воспитание» не ограничилось. Коркач повесил на воришку табличку с надписью «Я украл полотенце, я жулик, вор и мерзавец», поставил сначала у столика дневального, а затем водил с той же табличкой перед строем и матерился¹. Вероятно, Коркачу было свойственно обостренное, хотя и довольно примитивное чувство справедливости, то особое отношение к жизни, которое делало его в глазах рабочих правильным человеком, не превращая в зануду. Именно этим, а не двурушничеством и лицемерием, как писал прокурор Шубин в своей справке на Коркача, объяснялась его репутация: «человек, заботящийся о других рабочих» и «защищающий их интересы».

Коркач бесспорно был личностью волевой и сильной, его даже следователи КГБ не смогли сломить. Он сумел справиться с жизненным кризисом после приговора суда и увольнения из армии, которой Андрей Андреевич отдал 11 лет жизни (с 1936 по 1947 гг., значит успел и повоевать). Фактически пришлось начать жизнь сначала, и это была достойная жизнь. Никаких отрицательных сведений о Коркаче за время, прошедшее после его освобождения по амнистии в 1947 г. до июня 1962 г., следствию собрать не удалось. Напротив, скрепя сердце, прокурор Шубин признал, что Андрей Коркач, с 1955 года трудившийся электриком

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.130

на электродном заводе, «по работе характеризовался положительно»². К этому следует добавить, что для простого электрика и человека своего возраста Коркач имел довольно высокое образование (9 классов) и умел внятно формулировать свои мысли.

«Обращаясь к рабочим, - рассказывал Коркач, - я говорил, чтобы они переодевались и уходили с работы, что этим мы поддержим требования рабочих завода им.Буденного, выступающих против повышения цен на мясо и масло. Говоря это рабочим, я имел цель организовать забастовку, т.е. чтобы рабочие ушли с завода, и этим самым выразить протест против постановления правительства о повышении цен на мясо и масло, применения танков для наведения общественного порядка в городе, выразить солидарность действиям рабочих с завода НЭВЗ»³.

После этого группа Андрея Коркача обошла еще несколько цехов, призывая прекратить работу и вступая в разговоры с рабочими и представителями администрации. Некоторые разговоры запомнились: «У цеха графитации, - говорил Коркач, - мне пришлось беседовать с начальником этого цеха Бруком по вопросу о разрыве в зарплате рабочих и руководящего состава завода, заявлял ему, что он, как коммунист, видит много несправедливостей, имеющих место на заводе (имел в виду распределение жилплощади, разрыв в зарплате, повышение цен и другие), но не выступает об этом на собраниях». «Незнакомый мне рабочий, обращаясь к кому-то из нашей группы, говорил, что повышение цен - явление временное, что наступит время, день когда жить будет хорошо. Я в это время сказал, что 40 лет жду этого дня, что жду улучшения жизни, а жизнь, наоборот, ухудшается»¹.

Не все рабочие поддерживали забастовку, и далеко не все еще распростились с верой в «мудрый Центральный Комитет», который все видит и все знает о рабочей жизни, надо только подождать и потерпеть, и все будет хорошо. Да и сам Андрей Коркач, строго говоря, был «просоветским» критиком решений ЦК КПСС. Он осуждал власть,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.131

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.131

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.143-144

оставаясь в плену ее идейных догматов. Не случайно, в споре с коммунистом Бруком Коркач ругал его не как коммуниста, т.е. носителя определенного мировоззрения, а как плохого коммуниста, который видит несправедливости жизни и молчит. Лишь изредка в высказываниях Коркача прорывались антикоммунистические намеки: «Вы, коммунисты, видите, до чего довели рабочий класс?». В основном же речь шла о критике конкретных решений властей, которая не отрывала организатора забастовки от просоветски настроенной рабочей массы, а напротив, создавала определенное психологическое единство («мы» против «них» - начальников - предателей дела рабочего класса). Именно этим Коркач и был опасен властям (гораздо опаснее, чем хулиганы и истерические городские пауперы). За ним стояла «советская альтернатива» «переродившейся» власти, альтернатива, имевшая все шансы быть понятой и услышанной рабочими.

«Антисоветская агитация» Коркача представляло собой довольно обычный набор острых тем: «осуждал Советское правительство, что оно, якобы, «кормит» другие государства, а своих рабочих не обеспечивает»², призывал бороться за повышение зарплаты. Кричал: «Не то время, чтобы нам затыкать рты»³. Пытаясь вовлечь лояльных рабочих в забастовку, Коркач апеллировал к чувству классового стыда и классовой солидарности: «мы рискуем жизнью..., нас могут посадить, мы можем пострадать, а вы... не хотите поддержать» и назвал рабочих предателями»⁴.

Из Андрея Коркача стремительно, буквально на глазах, формировался тип рабочего-организатора, который и говорил-то «с какой-то твердой убежденностью»⁵. Он был чем-то неуловимо похож на лидера польской «Солидарности» Леха Валенсу. Последнего, как известно, тоже втащила в политику забастовка рабочих. Вероятно, именно страх перед организованным рабочим протестом и побудил

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 149-150

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.133

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.133

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.134

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.143-144

«рабочую власть» так жестоко (смертный приговор) расправиться с Андреем Коркачем.

Рядом с Коркачем в группе зачинщиков забастовки ходил по цехам электродного завода Григорий Катков. У следствия было больше оснований называть рвачом его, Каткова, а не Коркача. Однако в тот день Григорий Григорьевич вел себя все-таки совсем не как «рвач». То ли репутация не соответствовала действительности, то ли сам Катков оказался натурой более страстной и увлекающейся, чем можно было ожидать от «рвача». Привычка жаловаться на свое тяжелое материальное положение, разумеется, брала свое. Поэтому в разговоре с начальником цеха Бруком Григорий Григорьевич не удержался, попенял: «Мы и раньше мяса не ели, а теперь вовсе не придется есть»¹. В группе зачинщиков Катков был замечен (призывал бросать работу, бороться за лучшую жизнь и т.п.), но не более того. А вывод следствия и суда о какой-то особенной роли Каткова в организации забастовки очень и очень похож на фабрикацию и подтасовку. В любом случае, его, конечно же, нельзя ставить на одну доску с Коркачем. Коркач был лидером, Катков - «одним из...», поэтому и посчастливилось, обошел стороной смертный приговор.

Некоторые сторонники Коркача и Каткова на электродном заводе испытывали в день забастовки особый эмоциональный подъем и радостное возбуждение. 27-летний слесарь ремонтно-механического цеха Владимир Бахолдин, казалось, подобно Коркачу, «давно ждал этого дня». В.Г.Бахолдин был человеком со вполне советскими взглядами и убеждениями, воспитанным в семье с революционными традициями. Однако в его случае, как и во многих других, эти взгляды и убеждения не противоречили участию в забастовке, наоборот, предполагали его.

Вместе с Коркачем и Катковым в группе агитаторов видели 26-летнего электрослесаря электродного завода Георгия Васюкова (холостой, ранее не судимый). В «зачинщики» он попал по воле следователя, на необъективность и предвзятость которого впоследствии жаловался. Свидетели запомнили, как Г.С.Васюков какое-то время ходил

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л.228

по заводу вместе с «делегацией» рабочих завода им.Буденного. Ничего особенного он не делал и не говорил, это признавали и свидетели, отводившие действительно активную роль Коркачу. В сущности, вся «агитация» Васюкова свелась к вопросу, обращенному к главному инженеру: «Почему повысили цены?», - на что «начальство» посоветовало Васюкову читать газеты, и вполне резонной реплике: «Ребята, переодеваться так переодеваться (снять спецовку и прекратить работу. - В.К.), работать так работать»¹.

На заводе «Нефтемаш» тоже шла своя агитация. 37-летний токарь Григорий Щербан присоединился к толпе, которая окружила директора завода, и призывал рабочих не приступать к работе до тех пор, пока не будет отменено постановление о повышении цен, «высказывал недовольство по поводу расценок на обрабатываемые им детали, призывал толпу идти на соседний завод № 17 для прекращения на нем работы»². Вести дискуссии с начальством о нормах и расценках было для Григория Щербана делом привычным. Он раньше часто спорил по этому поводу с мастерами³.

К зачинщикам забастовки на «Нефтемаше» следствие и суд отнесли двух женщин: 35-летнюю уборщицу В.Т.Кузову и 44-летнюю заточницу М.Ф.Гладкову. У каждой было по трое детей, каждой и так жилось тяжело, а тут еще и цены повысили, впору было взвыть от безысходности. Протест Кузовой и Гладковой был предельно конкретен. 2 июня 1962 г. Кузова пришла на завод, увидела, что никто не работает, услышала спор директора с каким-то рабочим (речь идет о Щербане), возмутилась еще раз. Потом толпа стала кричать: «Идемте на 17 завод». «Я также, - рассказывала Кузова, - крикнула всем, чтобы шли к 17 заводу... толпа пошла, и я пошла ... толпа кричала и я кричала, почему я делала так, объяснить не могу»¹.

Показания свидетелей рисуют более яркую картину участия Кузовой в волнениях. В какой-то момент событий она несомненно выступала в роли бессознательной «зачинщицы». Проходя мимо

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.95895. Л.28-30

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.242

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.245

заводоуправления, Кустова крикнула: «Конторские крысы, идите с нами». А на заводе № 17 она и Гладкова кричали примерно одно и то же: «Бросайте работу, присоединяйтесь к нам»²; «Бросайте работу, идемте к горисполкому, требовать молоко, масло, колбасу»³.

Обстоятельства сложились таким образом, что в критический момент именно эмоциональный порыв этих двух женщин направил ход событий на «Нефтемаше». «Возможно, - заявила одна из свидетельниц, - если бы Кустова не кричала, то рабочие не пошли и приступили бы к работе»⁴. Кустова и Гладкова были осуждены на десять лет лишения свободы, но в конце концов даже власть вынуждена была признать полную неадекватность «преступления» наказанию. После двух лет заключения многодетные матери были помилованы Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Демонстрация.

Собравшаяся на заводе им.Буденного толпа превратилась в политическую демонстрацию. Она двинулась в центр Новочеркасска под красным флагом и с портретом Ленина. В толпе были женщины и дети. Все это очень напоминало начало «Кровавого воскресенья». Но только обращались рабочие не к «царю-батюшке» (ведь место этого «верховного арбитра» занимал теперь «главный виновник» всех рабочих несчастий Н.Хрущев), а к неким абстрактным ценностям раннего коммунизма, к оскверненному «толстопузыми» идеалу справедливости. В конечном счете, рабочие Новочеркасска также не смогли защитить себя «святыми» коммунистическими символами, как их отцы и деды в 1905 году - портретами Николая II, иконами и хоругвями. Но само «бегство» участников демонстрации под защиту Ленина и красного флага делали волнения в Новочеркасске достаточно типичным «внутрисистемным» конфликтом. «Народ» не покушался на идеологические основы системы. Он лишь посылал на вершину иерархии сигнал о собственном неблагополучии.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98308. Л.6

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98308. Л.7

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98308. Л.6

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98308. Л.7

(Сказанное нуждается в некоторых пояснениях. Известно, что в ходе волнений неоднократно раздавались и призывы к физической расправе над коммунистами. В толпе был достаточно силен элемент стихийного анархического антикоммунизма. Однако против портрета Ленина и красного флага в голове рабочей колонны никто из «антикоммунистов» не решился возражать. «Народ» стихийно выбрал образ своего протеста и его идейную окраску. Показательно, что, окружив события в Новочеркасске завесой тайны и молчания, коммунистические олигархи поставили себя в гораздо более выгодное положение, чем в свое время царское правительство: так им удалось продлить жизнь «коммунистических иллюзий» и локализовать новочеркасский конфликт. В конечном счете власть осознала жизненную необходимость умиротворения народа «неуклонной заботой о материальном благосостоянии трудящихся», ставшей одной из идеологических доминант брежневского времени. Советский режим начал медленно деградировать, идеологически разлагаться, мутировать, но никакой «революционной» альтернативы этой деградации, разложению и мутациям так и не появилось, а она, эта альтернатива, в принципе могла быть создана именно событиями в Новочеркасске).

Большая толпа в несколько тысяч человек двигалась в город. Командование Северо-Кавказского военного округа выставило заграждение на мосту через реку Тузлов. Там стояли танки, автомашины и солдаты. Однако «возбужденная толпа легко прошла через мост и продолжала следовать в город»¹. Заместитель председателя КГБ Ивашутин, которому принадлежит приведенная выше цитата, явно преувеличил степень «возбужденности» рабочих. Общий настрой демонстрации скорее можно определить словом «решимость». Не случайно даже прокурор Отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Ю.Шубин вынужден был признать, что поначалу «внешне все это носило как будто мирный характер»¹.

К колоннам, двигавшимся в центр города, могли присоединиться все желающие. Толпа шла по центральной улице - Московской, - в конце

¹ Исторический архив. 1993. № 1. С. 126

которой расположено здание горкома партии и горисполкома. Но этой же улице, на два квартала ближе, находились помещения отдела милиции, аппарата уполномоченного УКГБ, госбанка². К шествию примыкали группы студентов и других жителей города. Толпа скандировала: «Мясо, масло, повышение зарплаты!». Но чем менее однородной становилась движущаяся людская масса (а ее по мере движения разбавляли не только студенты, но и пьяные, маргиналы), тем больше ее общую физиономию определяла наиболее горластая, агрессивная и наименее рассудительная часть. Рабочая демонстрация, дойдя от завода до центра города, заметно изменила свой облик.

Захват горкома КПСС, нападение на здания милиции и УКГБ. Расстрел толпы.

Как, в какой момент и почему критическая масса «экстремистов» изменила первоначальный облик демонстрации, сказать трудно. Ясно только, что шествие, достигнув здания горкома и горисполкома, уже не обнаруживало прежних признаков организованности. Приближение демонстрации сильно напугало находившихся в горкоме КПСС членов Президиума ЦК КПСС Ф.Р.Козлова и А.И.Микояна, а также Кириленко, Полянского, Шелепина, Степакова, Снастина и Ивашутина. Узнав, что танки не остановили колонну на мосту, московские «вожди» поспешили удалиться. Все они перебрались в первый военный городок, где располагался временный штаб правительства. Произошло это в тот момент, когда демонстранты были в ста метрах от горкома³. По мнению И.Мардарь, ссылающейся на материалы проверки Военной прокуратуры СССР (1990 г.), именно тогда в результате переговоров Козлова с Хрущевым была получена санкция Хрущева на применение оружия против участников беспорядков.

В лапидарном изложении заместителя председателя КГБ Ивашутина события, последовавшие вслед за появлением демонстрации у горкома КПСС, выглядели следующим образом:

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.10

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.10

3 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.31

«Когда толпа подошла к горкому партии, наиболее озверевшие хулиганы и зачинщики начали бросать камни, палки в двери и окна, сломили сопротивление охраны и проникли внутрь здания, выбили окна, испортили мебель, срывали портреты и уничтожали их, избивали партийных и советских работников и сотрудников КГБ, находившихся в помещении.

Несколько хулиганов пробрались на балкон и в провокационных целях выбросили красное знамя и выставили портрет В.И.Ленина. Начались выступления активных участников бесчинств с требованием о снижении цен на продукты питания и повышении зарплаты. Некоторые из них выступали по 2-3 раза. Их выступления сопровождались криками, скандированием, угрозами в адрес коммунистов, оскорблениями солдат, в которых бросали палки и камни, и призывами к ним и офицерам примкнуть к преступникам»¹.

Важные детали добавляет к этому описанию И.Мардарь. В здании горкома, оказывается, осталось несколько работников аппарата ЦК КПСС, кое-кто из городских властей, сотрудники КГБ. Они попытались начать диалог с собравшимися через установленный на балконе мегафон. В них полетели палки и камни. Но неужели демонстрация шла в центр города с портретом Ленина и под красными флагами только затем, чтобы немедленно начать швырять камни в «начальников»? Единственное возможное объяснение - толпу не устроил статус тех, кто вышел на балкон и собрался выступать. Люди настроились увидеть представителей высшей власти, услышать их заявления и заверения. Когда на балконе таких представителей не оказалось, толпа почувствовала себя обманутой и стала требовать выступления А.Микояна. Но он к этому времени из горкома благоразумно перебрался под защиту военных. Мысль о выступлении Микояна, как это часто бывает в подобных случаях, стала для толпы навязчивой. Так, уже после устроенного в горкоме погрома демонстранты снова стали требовать, «чтобы Микоян выступил, выслушал их требования»¹. Он, кстати сказать, к народу так и не вышел, но позднее, уже после расстрела

1 Исторический архив. 1993. № 1. С. 126

демонстрации, радио начало транслировать его выступление, записанное на пленку.

Демонстрация дошла через все преграды и препятствия в центр города, ворвалась в горком, но никого из «главных начальников», тех, кому можно было изложить свои требования не увидела. Возникла типичная стрессовая ситуация, исчез «градиент цели». Разговора с властью, к которому второй день стремились рабочие, не получилось. Не удивительно, что в выступлениях у горкома сильнее зазвучали «антикоммунистические» мотивы. Существенно повлиял на настроение собравшихся следующий эпизод. Григорий Щербан с завода «Нефтемаш, вынес на балкон две тарелки - с сыром и колбасой- и крикнул: «Смотрите, что они едят, а мы этого не можем!»². (Сам Щербан, защищаясь от предъявленных обвинений, утверждал, что эти слова принадлежат не ему, а какому-то мужчине, назвавшемуся «мастером»¹).

Если раньше основным объектом ругани и нападок был Хрущев, то теперь стало доставаться и Ленину. «Клеветнические измышления в адрес Советского правительства и основателя Советского государства» публично высказал 35-летний Александр Зайцев. Уроженец саратовской деревни, он в 15 лет (в 1942 году) отправился в город Кемерово, где начал учиться в школе ФЗО. Но после травмы потерял руку и школу не окончил. Вернулся на родину. Работал в тракторной бригаде. В 1945 году каким-то чудом сумел закончить курсы счетоводов, но в силу малограмотности работать по этой специальности так и не смог. Возвратился в тракторную бригаду.

В 1948 году Зайцев чуть не попался на краже колхозного зерна. Сообщника арестовали и осудили, а Зайцев впервые продемонстрировал свой авантюрный и изворотливый характер. Он сумел скрыться без документов. На работу, находясь в бегах, умудрился устроиться без паспорта, а потом путем ловкой махинации добыл себе новый. Про свою жизнь Зайцев любил рассказывать разные героические вещи. Например, хвастался, что руку потерял на войне, писал в анкете,

1 Цит. по: Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.32

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 93661. Л 242; Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.32

что освобождал Тулу, хотя немцев в Туле во время войны не было. В начале 1950-х лихой авантюрист сумел устроиться на работу в торговлю. В то время он уже сильно пил, и дело закончилось растратой. От следствия сбежал, опять ухитрился получить новый паспорт. В 1952 году предстал, наконец, перед судом и по жестокому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» был приговорен за свое последнее художество к 10 годам лишения свободы. В декабре 1954 г. Зайцева условно досрочно освободили. Полтора года он пожил на воле, работал в артели инвалидов в Новочеркасске. В августе 1956 году получил два года лишения свободы за хулиганство. Под новый 1958 год освободился и снова приехал в Новочеркасск. Менял разные места работы, временами не работал совсем. Много пил. Пропивал не только зарплату, но и одежду, как свою, так и сожительницы. В конце концов, Зайцев уехал из Новочеркасска в марте 1962 года в Волгоградскую область. Там устроился на работу в совхозе¹.

31 мая Александр получил 28 рублей казенных денег на приобретение красок для совхоза и 1 июня приехал в Новочеркасск. Запил горькую, спустил казенные деньги и, чисто по-русски махнув на все рукой, активно включился в волнения. Помимо ритуального сквернословия в адрес Ленина А.Ф.Зайцев призывал «к расправе над руководителями местных органов власти и военнослужащими, останавливал проходивший автотранспорт, требуя от водителей прекращения работы. Ворвавшись в горком партии, А.Ф.Зайцев проник на балкон, призывал бесчинствующих к активизации бандитских и погромных действий, требовал нападать на военнослужащих и отбирать у них оружие». Когда здание горкома КПСС было оцеплено военными, «Зайцев выкрикивал в их адрес грубые оскорбления, называл их «фашистами», провокационно заявлял, что они якобы убивают инвалидов, детей и матерей, требовал выдать для расправы бандитам генерала, командовавшего воинскими подразделением, охранявшим

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.243

здание, заявляя при этом: «Дайте нам этого генерала... мы его растерзаем»².

«Погромная» программа все явственнее звучала в выступлениях на стихийном митинге. Ее активным «аранжировщиком» был 32-летний слесарь электродного завода Михаил Кузнецов. Родителей своих он не помнил, воспитывался в детдоме в Киеве, в начале войны был эвакуирован в Узбекистан. В 1945 году из детдома сбежал, бродяжничал. Милиция задержала его как беспризорника и отправила в школу ФЗУ. Можно сказать, повезло! Проучившись 6 месяцев, Михаил получил специальность слесаря-инструментальщика. Начал работать во Львове. Но в мае 1950 году бес попутал. Вместе с товарищем по работе утащил из заводского клуба радиоприемник с проигрывателем. Попал все под тот же злосчастный указ от 4 июня 1947 г., который многим людям поломал жизнь и озлобил против власти. За кражу радиоприемника Кузнецова приговорили к 8 годам лишения свободы. Иные за умышленное убийство получали меньше! К счастью, в 1953 г. Михаила освободили по амнистии. В 1959 году он был замешан как «наводчик» в квартирной краже. Но в то время пошла мода на «общественные меры воздействия», и коллектив цеха взял Кузнецова на поруки, поскольку он «чистосердечно признал свою вину»³. В том же 1959 году у Михаила родилась дочь.

2 июня Кузнецов вместе со всеми остальными бросил работу, напился пьяным и очутился в толпе у здания горкома. По данным следствия и суда, М.А.Кузнецов не просто призывал к погромным действиям и к расправе над солдатами и офицерами, но и использовал стандартные приемы «революционного блефа», обычно эффективные при удержании колеблющихся сторонников в орбите влияния лидеров. Слесарь настойчиво повторял, что в Новочеркасск из других городов идет «подмога». По признанию самого Михаила, его «программа-минимум» заключалась в выкриках: «Смелее вперед! Мы должны все

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.61-66

2 Исторический архив. 1993. № 4. С. 150-151

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.78-80

громить, чтобы они знали нашу силу», имея в виду при этом, по его объяснению, «руководителей как малых, так и больших»¹.

В конце концов «погромная» программа была доведена до конкретики некой женщиной, выглядевшей лет на 30-40, по данным следствия, ею оказалась 27-летняя охранница строительного управления № 31 Екатерина Левченко. Екатерина была женщиной незамужней, бездетной, с трехклассным образованием, по всей вероятности, со сложным и неуживчивым характером. В 1959 г. она была осуждена за кражу жакета у квартирной хозяйки к 2 годам лишения свободы. После освобождения жизнь никак не складывалась. Левченко часто меняла место работы. Будучи человеком нервным и эмоциональным, она постоянно срывалась на ссоры и скандалы, отличалась склонностью к распространению слухов².

Именно Екатерина указала толпе ближайшую, очевидную и «моральную» цель дальнейших действий. С балкона здания горкома она кричала, что первого июня была задержана и избита милицией (обвинение утверждало, что в действительности ничего подобного не было), но главное - призвала толпу идти на выручку арестованных рабочих, чтобы освободить их из камер городского отдела милиции. Никаких арестованных рабочих в горотделе за решеткой в то время не держали³. Поэтому выступление Е.П.Левченко было в полном смысле этого слова провокационным. После него в толпе у горкома поднялся крик, шум, раздались возгласы: «Освободить рабочих!»⁴. От демонстрантов отделилась группа человек в 30-50 и двинулась к зданию милиции (оно находилось на той же Московской улице, в двух кварталах от горкома КПСС). Большинство искренне верили, что идут освобождать братьев-рабочих⁵. Толпа любопытных, собравшихся перед этим у здания милиции, вела себя спокойно, никаких попыток проникнуть в здание не предпринимала. Левченко продолжила свою «агитацию». В конце концов, раздались возмущенные крики: в милиции избивают рабочих.

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 153

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93662. Л.102

3 Исторический архив. 1993. № 4. С.151-152

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.149

5 Исторический архив. 1993. № 4. С.152

В атаку на горотдел милиции отправились «экстремисты». Неудивительно, что в их среде явственно зазвучали «антикоммунистические» мотивы. 25-летний повар школы-интерната № 2 Владимир Шуваев, во время событий он был пьян, не только угрожал военным и коммунистам расправой, но и сформулировал своеобразные идеологические постулаты погромщиков: «место коммунистам - на столбе»; «с коммунистами говорить бесполезно...»; «всех их надо стрелять»¹. А для того, чтобы снять с коммунистов психологическую защиту коллективного «мы», Шуваев приравнивал их к фашистам, убийцам, а солдат призывал стрелять в тех, «кто вас заставляет стрелять в народ». «Идеологией» дело не ограничилось. Владимир Шуваев вел себя крайне агрессивно, требовал у одного из солдат: «Дай мне автомат, я всех перестреляю», швырял камни танки, ругался, сквернословил². (При задержании у Шуваева был изъят тесак³)

Несмотря на сопротивление милиционеров и военнослужащих, погромщикам удалось сорвать с петель наружную дверь, использовать ее в качестве тарана, выбить следующую дверь и ворваться в помещение горотдела. Началось настоящее сражение, в ходе которого нападавшие сыпали угрозами и оскорблениями, бросали камни, избивали военнослужащих, пытались вырвать у них оружие, били стекла. Неприглядную картину несколько скрашивало то, что погромщики постоянно требовали освободить задержанных, то есть, добивались, как им казалось, восстановления справедливости.

Атмосфера коллективного психоза затягивала, заставляла людей терять самоконтроль. Один из участников событий рассказывал: «Мне почему-то тоже какая-то сила внушила, и я тоже крикнул: «Выпустить». После стали входить в здание, и я тоже полез. Не прошел и восьми метров, как в помещении стали стрелять. Я испугался и вбежал в комнату, где нас закрыли⁴. И до сих пор я не пойму, как заскочил туда.

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 153

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.179

3 Исторический архив. 1993. № 1. С.130

4 И.Мардарь несправедливо считает рассказы работников милиции о том, как они сумели запереть некоторых погромщиков в помещениях горотдела мифом. По мнению журналистки, все милиционеры трусливо сбежали. (См. Мардарь И. Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.34). Как видим, эпизод действительно имел

Какой черт просил меня идти, что заставило меня войти в отделение милиции»¹.

Даже в раздраженной и настроенной на насилие толпе нашлись люди, пытавшиеся если не остановить погром, то, по крайней мере, вести себя по-человечески. Например, один из осужденных за участие в нападении на милицию 24-летний Г.Г.Ларенков попытался спасти от избиения сбитого с ног солдата»².

Во время нападения на горотдел имели место попытки завладеть огнестрельным оружием. В ходе завязавшейся потасовки 29-летний слесарь Владимир Черепанов (женатый, отец одного ребенка, со средним образованием) намеревался вырвать автомат у одного из солдат³. Попытка закончилась неудачей. А вот у другого солдата, Репкина, автомат все-таки отняли. Обвинение утверждало, что налетчики попытались применить это оружие против охраны. А поэтому «военнослужащие, действуя в соответствии с Уставом караульной и внутренней службы, вынуждены были применить оружие против бандитов и таким образом пресечь их попытку убийства лиц, участвовавших в наведении порядка»⁴. Один из нападавших был убит.

Пролилась первая кровь. Но это не остановило и, кажется, даже не очень испугало возбужденных людей. Толпа пыталась проникнуть в здание милиции и с тыла - со двора Новочеркасского отделения государственного банка. Когда старший наряда, охранявшего госбанк, потребовал от погромщиков удалиться с территории, прилегающей к охраняемому объекту, кто-то (следствие утверждало, что это был 48-летний музыкальный мастер фабрики бытовых услуг Иван Гранкин, но он это отрицал) рванул на груди рубаху: «Стреляйте!»⁵. По некоторым данным, этот эмоциональный всплеск, выдававший уверенность толпы: стрелять не посмеют, не был единственным. Есть смутные свидетельства того, что над толпой поднимали ребенка с криком: «в

место.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л.95-95 об.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л.9об. - 10об.

3 Исторический архив. 1993. № 4. С. 152

4 Исторический архив. 1993. № 4. С. 152

5 См.: ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л.33

детей стрелять не будете!»¹. (Обвинили в этом 30-летнего грузчика Николая Козлова, но он отказывался).

Поисковая активность толпы, попавшей в стрессовую ситуацию («вожди» из горкома сбежали, спрашивать было не с кого), вылилась не только в «погромную» программу действий. Когда «экстремисты» отправились в горотдел милиции «освободить арестованных», с новой идеей выступил 39-летний обрубщик литья Новочеркасского станкостроительного завода Борис Мокроусов, человек во многих отношениях неординарный, досыта хлебнувший лиха на своем веку. Своего отца Савелия Кузина Борис не помнил. Мать похоронил в 1959 г. После окончания 6 классов был мобилизован в ремесленное училище при заводе «Красный металлист» в Горьком. Вскоре после начала войны Мокроусов из училища сбежал. За это в августе 1941 года получил первую судимость - приговорен к одному году исправительно-трудовой колонии. В ноябре 1941 г. досрочно освобожден.

В сентябре 1942 г. Мокроусов (тогда еще Кузин) поссорился с матерью и убежал на фронт. Долго скитался, пока не оказался в городе Казалинске Кзыл-Ординской области. Там и был задержан милицией. Юноша решил использовать свой шанс, как ему казалось, побыстрее попасть на фронт. Назвался Мокроусовым Борисом Николаевичем (под этим именем Борис Савельевич Кузин и прожил всю оставшуюся жизнь), прибавил себе два года и назвался красноармейцем, отставшим от части. Его объявили дезертиром, он не возражал: слышал от кого-то, что дезертиров сразу отправляют на фронт. В итоге военный трибунал приговорил Мокроусова к 10 годам лишения свободы. Из лагеря Борис бежал, был пойман и получил еще 10 лет. Человек отчаянный и бесстрашный, Мокроусов судя по всему жестко боролся в лагере за выживание (может быть, с этим был связан и его побег). Одна из ссор привела к преступлению. Борис напал на своего спящего врага и попытался убить его кайлом. Покушение совершил буквально через несколько дней после второго приговора и возвращения в лагерь. Снова 10 лет лишения свободы.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98327. Л.35

В мае 1944 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР наконец разобралась в деле «дезертира» Мокроусова (Кузина) и отменила приговор Военного трибунала Кзыл-ординского гарнизона. Затем последовала отмена второго приговора, а по третьему - дело было направлено на новое судебное рассмотрение. Однако машина исполнения судебных решений не сработала. Определение Военной Коллегии до Богословского ИТЛ, где отбывал наказание Мокроусов, не дошло. Так неудачливый беглец на фронт и просидел в лагере, даже не подозревая о своем частичном оправдании, вплоть до 1953 года.

Выйдя на свободу, Мокроусов долго скитался в поисках крова и пропитания. В ноябре 1955 года был задержан за хищение продуктов из пристанционного буфета, арестован и осужден к семи годам лишения свободы. С этого времени Борис попытался переломить свою жизнь. В августе 1959 г. за хорошее поведение в лагере был условно досрочно освобожден с испытательным сроком 3 года. Приехал в Новочеркасск, устроился на работу на НЭВЗ обрубщиком литья. Желающих заниматься этим тяжелым трудом было мало, и администрация завода охотно принимала на работу бывших уголовников. Мокроусов женился, начал хорошо зарабатывать. Жизнь стала постепенно налаживаться¹.

В забастовке и демонстрации Мокроусов участия не принимал. 2 июня с утра был на работе. Затем отправился к горкому. В толпе вел себя активно, переходил от группы к группе, возмущался и протестовал. В конце концов, именно Мокроусов предложил новый «план»: надо выбрать делегацию и потребовать удаления войск из города.

Участвовать в переговорах с военным командованием вызвались 9 человек. Делегация была беспрепятственно пропущена в здание горкома КПСС и встретила с начальником гарнизона. Выполнить требование о выводе войск начальник, разумеется, отказался, сославшись на то, что неправомошен решать такие вопросы. В ответ Мокроусов заявил: «Не о чем с ним говорить, нужен тот, кто может решить этот вопрос». По дороге в военный городок, где находились Микоян и Козлов, Мокроусов вел «агитацию»: пытался добиться от

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.107-109

сопровождающего офицера, как лично тот относится к повышению цен и снижению расценок. Попытки офицера отмолчаться Борис объяснил просто: «Что с ним разговаривать - он коммунист»¹.

Бесстрашный и отчаянный Мокроусов (по оценке обвинительного заключения - «наглый»), в беседе с «московскими вождями» «требовал вывода воинского подразделения из города, злобно клеветал на материальное положение трудящихся, наносил угрозы и грубые оскорбления в адрес руководителей Партии и Правительства»². Как рассказывал сам Мокроусов своим товарищам по работе (было это еще до ареста, 4 июня 1962 г.), он требовал от Микояна и Козлова «чтобы они не прижимали рабочий класс», при этом он ударял кулаком о кулак, показывая: «мы - рабочий класс, нас много». В общем, «разговаривал с ними напрямую и сам не знаю, как меня там не арестовали»³.

И.Мардарь удалось отыскать одного из очевидцев встречи - Ю.П.Тупченко, бывшего начальника управления КГБ по Ростовской области. Тупченко запомнил, что с делегацией встречался сам Ф.Р.Козлов. Среди представителей демонстрантов «были две или три девушки. Один из мужчин был изрядно пьян. Представился - «Жуков» и нецензурно выражался. Разговор шел о бедственном положении рабочих, жителей города. Запомнилась фраза одного из членов делегации: «У нас хорошо живет лишь Юрке Гагарину да Маньке буфетнице». По словам Ю.П.Тупченко, делегация не просила членов правительства выступить перед демонстрантами. Ф.Р.Козлов попрощался с ней словами: «Идите к людям, успокойте их, призовите прекратить беспорядки».

И.Мардарь считает: «Встреча закончилась безрезультатно для демонстрантов, да и никто из приехавших «важных птиц» не воспринял эту делегацию всерьез». К тому же встреча, по предположению журналистки, состоялась уже после выстрелов в горотделе милиции и расстрела на площади. Делегация, покинувшая площадь минут за 20-30

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.111

2 Исторический архив. 1993. № 4. С. 154

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.93661. Л.111, 112

до стрельбы, о происшедшем еще не знала. Ее отпустили с миром. А аресты начались позже¹.

«Встреча» кремлевских олигархов с «народом» имела скорее символическое, чем практическое значение. Она (эта встреча), а не только выстрелы в толпу по приказу Москвы, превратила локальный конфликт местной администрации и местных рабочих в столкновение целого города с центральной властью. Стороны даже вступили в «переговоры». Членам Президиума ЦК КПСС пришлось выслушать резкие требования, упреки и обвинения рабочей делегации, - такого режим не знал уже лет сорок! Было над чем задуматься и о чем вспомнить. На горизонте замаячил призрак организованного рабочего протеста.

Какая-то часть толпы, остававшейся у горкома КПСС, была настроена на то, чтобы дождаться результатов переговоров. Другие бунтовщики вели себя более агрессивно. И пока делегация отсутствовала, произошли драматические события. Власти попытались очистить здание и оцепить его силами воинского подразделения. Но нападавшие и сами в массе своей вышли уже на площадь, поскольку в опустевшем и разгромленном горкоме делать им было решительно нечего. По справедливому замечанию И.Мардарь, никакого практического смысла выставять охрану у пустого здания, а тем более «защищать его, применяя оружие», не было². Тем не менее группа военных на бронетранспортере попыталась вклиниться в толпу и оттеснить демонстрантов. Им это не удалось, и они получили приказ выйти из толпы. Эти малопонятные маневры очень напоминают подготовку к расстрелу: свои не должны были пострадать.

К этому времени прибыла новая группа автоматчиков (из состава войск МВД СССР) под командованием начальника Новочеркасского гарнизона генерала Олешко. По данным прокурорской проверки

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.33. Некоторые источники, в частности справка на Б.Н.Мокроусова, составленная прокурором Шубиным еще до окончательного формирования дела, предлагает иную версию событий. Мокроусов, призывая к созданию делегации, уже знал о расстреле и протестовал именно против него (ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.109) Однако, в обвинительное заключение эта версия не вошла.

2 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.36

Прокуратуры СССР, Олешко обратился к толпе с балкона с требованием прекратить демонстрацию. Толпа не реагировала. Солдаты, выстроенные у фасада, произвели предупредительный залп в воздух, «от чего толпа шумевших и напирающих людей отхлынула назад. Однако тут же из толпы раздались выкрики: «Не бойтесь, стреляют холостыми». После чего толпа вновь ринулась к зданию и выставленным перед ним солдатам. Последовал повторный залп вверх и сразу же после него единичные автоматные очереди по толпе. В результате - человек 10-13 остались лежать на площади. Впоследствии выяснилось, что кто-то из особо буйствующих лиц пытался выхватить оружие из рук солдат, которые вынуждены были применить огонь. И только после этих выстрелов среди демонстрантов возникла паника»¹.

По сообщению И.Мардарь, в материалах прокурорской проверки есть документы, свидетельствующие о том, что находившийся на балконе генерал Олешко никаких команд на применение оружия не давал, даже наоборот, возмущенный действиями стрелявших, пытался криками остановить их»². При этом, по некоторым данным, именно в этот момент один из демонстрантов, пожилой мужчина, призывал толпу с балкона к сдержанности и организованности³.

Официальная версия пыталась представить расстрел толпы как случайность, как своего рода недоразумение, а саму стрельбу подать как акт самозащиты, ответ солдат на угрозу для их жизни. Чтобы придать логичность и выстроенность этой версии, нападение на милицию и на горком связали единой причинно-следственной цепочкой: разозленные неудачей в милиции хулиганы вернулись на площадь, снова попытались отобрать у каких-то солдат оружие, а солдаты (без специального приказа) «вынуждены были» открыть огонь. Эта версия уже давно вызывает обоснованные сомнения. Почему-то не было установлено (в отличие от эпизода в милиции) ни имя солдата, который якобы подвергся нападению, а сделать это было совсем нетрудно, ни того, кто пытался отобрать у него оружие и угрожал жизни. Версии о самозащите

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.36

2 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.36-37

3 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.37

противоречит и тот подтвержденный многими очевидцами факт, что стрелять в толпу начали все-таки одновременно, а не единичными автоматными очередями. Так стреляют по приказу, а не при спонтанных попытках защитить свою жизнь.

Одним словом, вряд ли можно считать эпизод расстрела полностью восстановленным. Однако для нашего исследования достаточно и того, что факт нападения на солдата не был доказан следствием, которому пришлось прибегнуть к довольно грубой подтасовке, чтобы доказать недоказуемое. И.Мардарь справедливо пишет по этому поводу, что ни в 1962 г., ни в 1990 г. так и не нашли ни одного очевидца нападения на военнослужащего, никого, кто своими глазами видел бы это ключевое для официальной версии событие¹. И это при том, что многие другие, гораздо менее существенные эпизоды были восстановлены до мельчайших деталей. С этой точки зрения правомерен вывод о том, что был приказ стрелять на поражение, а толпа перед стрельбой никак не меняла своего поведения, оно, прочем, и так было уже достаточно агрессивным. Повторное применение оружие 2 июня 1962 г. было продиктовано не полицейскими, а политическими мотивами. Следовательно, и ответственность за неправомерное применение оружия несут не отдельные военнослужащие, а гораздо более высокие инстанции.

И.Мардарь высказала обоснованное предположение о том, что члены Президиума ЦК КПСС были испуганы встречей с делегацией забастовщиков, увидев в этой делегации очевидный симптом начавшейся самоорганизации бунтовщиков². Вероятно, это действительно могло подвигнуть «московских вождей» воспользоваться уже полученной санкцией Хрущева на применение оружия, не очень задумываясь при этом о таких «мелочах», как правомерность стрельбы в безоружную толпу.

1 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.37

2 Мардарь И. Хроника необъявленного убийства. С.36

После расстрела. Речь мусорщика Жилкина

Известие о расстреле толпы, до последнего момента верившей, что «в народ стрелять не будут», быстро облетело город. О первой реакции на происшедшее можно судить по рассказу 34-летнего прессовщика НЭВЗ П.Ф.Решетникова, осужденного за участие в волнениях: «Часа в 2-3 дня к заводу стали приезжать рабочие, рассказывали, что в городе стреляли в людей. Народ стал возмущаться, к нам подошел Дьяченко и сказал: «Ну и правильно, что постреляли людей». Я на это заявил Дьяченко: «Как ты смеешь так говорить, а еще красную повязку повязал, лучше бы ты черную нацепил». Стоявший здесь же Завалко, его фамилию я узнал потом, тоже стал говорить, что правильно людей постреляли. Я после этого ударил его по лицу. Люди нас разняли, я сел на велосипед и уехал на речку. Завалко говорил, что бесчинствующие люди причинили государству большой ущерб, а я ему ответил что люди, разве ничего не стоят? Я был расстроен его высказываниями и ударил его по лицу»¹.

В изложении свидетелей, дело выглядело несколько иначе, но суть конфликта понятна: расстрел расколол жителей города. Одним, с самого начала выступавшим против забастовки, пришлось искать моральных оправданий своему сотрудничеству с властями, отдавшими жестокий приказ. Другим, бывшим до сих пор в стороне, - вырабатывать собственную позицию, даже если они и не высказывали ее вслух, подобно Решетникову.

Противоречие между возмущением и страхом, который внушал режим законопослушным обывателям, было основой психологического и морального стресса. Его пережили в тот день многие жители города. 33-летний старший инженер Новочеркасского филиала проектного института «Гипроэнергопром» Н.П.Бредихин, отец двоих малолетних детей, ранее не судимый, был по всем критериям политической благонадежности вполне «советским человеком». Добровольно, по призыву партии, как тогда говорили, он выезжал работать в деревню, в МТС, и на целину, имел больше всех в отделе рационализаторских

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98326. Л.15

предложений и изобретений, готовился поступать в аспирантуру. Портрет Бредихина висел на «доске почета»¹.

В волнениях инженер не участвовал. Однако, узнав о происшедшем, не нашел в себе сил лицемерить или по крайней мере промолчать. «Я сел за рабочее место, - рассказывал Бредихин, - и стал чертить схемы. Через некоторое время я услышал звуки, напоминающие звуки движения телеги по булыжнику. Кто-то сказал, что это стреляют. Я высказал сомнения на этот счет и продолжал работать. Около часа дня пришел старший инженер-конструктор Коршиков. Он был бледен и в возбужденном состоянии стал говорить, что сам видел, как на площади стреляют в толпу, что убита женщина с ребенком. Под впечатлением таких рассказов техник Соседко впала в истерику. Она кричала, что могут убить и ее мать. Сослуживцы стали возмущаться, что в толпу стреляют. Я, поддавшись этому возбуждению и не разобравшись в событиях, встал из-за стола, снял портрет Хрущева и выбросил его во двор»².

Пережитые инженером Бредихиным короткие «звездные минуты», вызвали у окружающих типично «советскую» реакцию. Они немедленно отстранились от «осквернителя», опасаясь разделить с ним ответственность. Только что ужасавшиеся расстрелом безоружных коллеги по работе вдруг замолчали и, как выразился Бредихин, стали его «взглядами осуждать». Бредихин почувствовал себя изгоем, растерялся и испугался, бросился советоваться с товарищем: «Что делать?». Совет был вполне «советским»: идти сдаваться в КГБ, что Бредихин и сделал. А одна из сослуживиц подняла оскверненную «святыню», подклеила и повесила на прежнее место³.

Вообще же расстрел на площади, напугав обывателей и здравомыслящих, тем не менее не вызвал всеобщего паралича. Стихийный протест продолжался. Во второй половине дня на площади у горкома еще можно было услышать призывы добиваться своего и даже мстить за убитых. «Упертым» бунтовщиком оказался уже известный нам

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98310. Л.5-6

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98310. Л.4-5

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98310. Л.6

Михаил Кузнецов. Вечером второго июня он «неоднократно пытался бросать камни в военнослужащих, проезжавших на автомашинах, препятствовал их движению, выкрикивал угрозы в адрес военнослужащих, заявляя при этом: «Завтра в 6 часов утра мы вам покажем»¹.

52-летний сборщик утиля П.Ф.Жилкин остановил лошадь около электровозостроительного завода, влез на повозку и произнес целую речь по поводу расстрела. По показаниям одного из свидетелей, сборщик утиля говорил бессвязно, но горячо: «Что же вы тут стоите, в городе льется кровь рекой, пулеметы и танки убивают детей и женщин, идите к ним на помощь». Показывая на третий этаж заводоуправления, Жилкин сказал: «А этих гадов нужно расстреливать.» Я подошел к Жилкину, он был немного выпивши. Я ему предложил уйти отсюда, но Жилкин, видя меня в очках, сказал: «Вот таких гадов нужно бить». Из толпы крикнули: «Убирайся отсюда», тогда Жилкин стал опять кричать: «Нужно бить очкастых»².

Вечером у горкома КПСС и у милиции продолжались выступления демонстрантов, в основном, молодежи - старшие благоразумно разошлись по домам. Одновременно на всю площадь транслировали записанную на пленку речь А.Микояна. Толпа «аккомпанировала» речи члена Президиума ЦК КПСС: ругала военных, снова требовала снижения цен на мясо и масло³. Ни Микоян, ни Козлов в тот день так и не появились перед народом. После объявления комендантского часа толпу разогнали силами войск и милиции.

Всего во время беспорядков было убито 23 человека. Десятки жителей города, в основном молодежь, обратились за медицинской помощью в связи с ранениями. Некоторых раненых КГБ забирало впоследствии прямо из больничных палат. Ни одного убитого с правительственной стороны не было.

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 153

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98895. Л.45

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д.98285. Л.14